

Татьяна КУЗМИЧЕВА

г. Мурманск

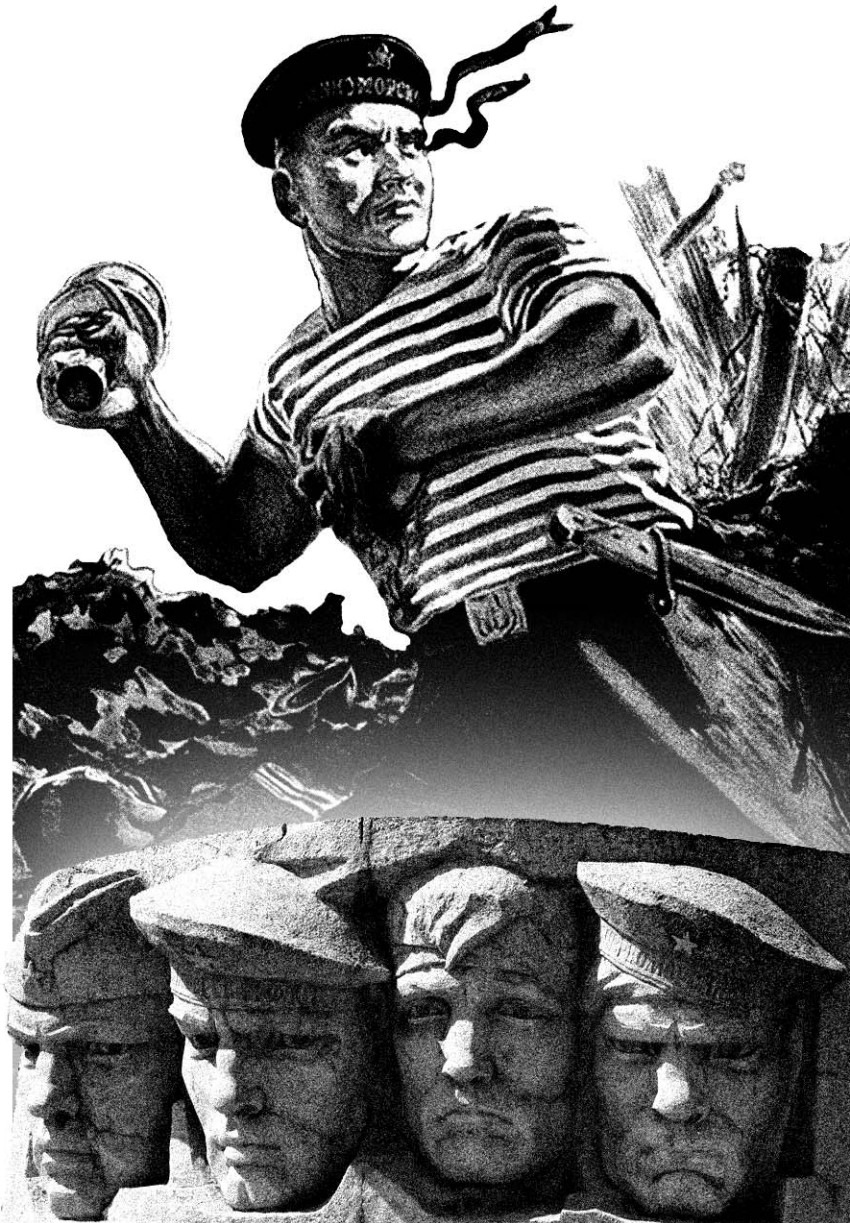
«Хочу рассказать о боевом товарище»

Воспоминания участника войны прислала в редакцию «Севера» мурманчанка Татьяна Леонидовна Кузмичева. «Это письмо, даже не письмо, а пакет с пачкой исписанных непонятным почерком перепутанных пожелтевших страниц, я обнаружила среди отцовых документов, боевых наград, старых фотографий через несколько лет после кончины отца, – пишет Татьяна Леонидовна. – Адресовано оно было моей маме. Я даже не знаю полного имени человека, написавшего эти воспоминания. Зовут его Александр, боевой друг отца. В 1986 году, когда отца не стало, этот его товарищ жил в Сочи, но жив ли он сейчас, я не знаю. Пыталась его найти, но не смогла. Свою благодарность этому человеку за рассказ об отце я сохраняю на всю жизнь. Немало времени ушло на то, чтобы сложить листки по порядку, разобрать текст, но когда я начала читать, то оторваться было невозможно.

В детстве я не любила слушать отцовы рассказы о войне. Не Герой Советского Союза, не прославился, воевал, как все. В памяти сохранились отдельные истории... Мой отец Леонид Яковлевич Первушин, уроженец Архангельской области, сначала прошел Школу юнг на Соловках. Воевал на Северном флоте. Его корабль погиб в бою, отца контузило. После госпиталя он продолжал воевать на Черном море. Его катер («морской охотник») поздней осенью подорвался на mine в Цемесской бухте. Оставшиеся в живых в кромешной тьме плыли неизвестно куда в ледяной воде. У кого не было сил, уходили под воду со словами: «Прощай, братва». На рассвете их, нескольких выживших, подобрал советский транспорт, повезло...

Я не знаю, как закончилась история, описанная в этом письме. Главное, отец остался жив, иначе не было бы нас, его детей, внуков».

То, что описано на этих страницах, могло бы стать сюжетом повести, основой сценария для фильма. Здесь есть и военные приключения, и неприглядная сторона войны с ее трагизмом и жестокостью. Мы публикуем письмо с минимальной правкой, понимая, что таких документальных свидетельств о военном лихолетье остается все меньше, все меньше остается и людей, которые были участниками этих событий.

...Теперь его не стало, и я вам хочу написать о нем как о боевом товарище. Вам уже известно, что он спас мне жизнь и мы с ним подружились как братья.

Наш дивизион морских охотников базировался в Туапсе, но, когда высадили десант на Малую Землю, дивизион был перебазирован в Геленджик, где мы несли нелегкую службу. Ночью и днем мы исполняли свой долг, а наша дружба лишь по-морскому крепла. Нашему десанту на Малой Земле приходилось очень трудно, было решено забросить в тыл немцам добровольцев из морской бригады и катеров и таким образом облегчить судьбу малоземельцев. В число добровольцев вошел Леонид Первушин.

Перед ними была поставлена задача пройти по тылам, нарушить коммуникации и подавить немецкие батареи, которые своим огнем не давали нашим катерам подойти к Малой Земле. Добровольцев было 30 человек, все неженатые, не старше 22 лет.

С запасом боеприпасов и продовольствия эта группа была направлена в тыл немцам на нашем катере, где мы с Леонидом снова встретились как братья. Он подошел ко мне и поднял меня, обнял и по-флотски поцеловал, сказал: «Ну вот, Сашка, мы снова идем на встречу с фашистом, и не будет пощады никому». Да, мы пощады не просили и не давали. Не зря нас немцы называли комиссарами.

На наш катер погрузилась команда в составе 30 человек в полном боевом снаряжении, в час ночи катер отошел от пирса, взяв курс к берегам, занятым врагом. Ночь темная, лишь шумит вода да моторы гудят на полных оборотах. Катер идет полным ходом, а по бокам еще два катера несут охрану десанта. Мы с Леонидом сидели на камбузе, он мне рассказывал о своей службе, я ему о себе. Так стала наша дружба расти и крепнуть. Я угощал его флотским чаем, он достал из НЗ шоколад и угостил меня. Мы попили чай. Так как я был на катере коком, я ему в вещевой мешок положил консервов и хлеба, ну и шоколаду, пока он немного прикорнул.

Наш катер подошел к назначенному квадрату и стал подходить к берегу. Все заняли свои места: командиры у орудий, пулеметчики у пулеметов, а боцман у трапа. Катер медленно подошел к берегу. Спустили трап, и двое в ледя-

ной воде по шею (один из них – Леонид) держали трап на плечах, чтоб остальные сошли благополучно. Когда трап убрали, я передал Леониду флягу со спиртом, и он пропал в темноте. Наш катер тихо ушел в открытое море, утром мы пришли в Геленджик.

Команда отдыхала, я, как всегда, готовил завтрак, а завтрак на флоте несложный – флотский чай. Вообще, мои обязанности – кормить команду, а при боевой тревоге – боевой расчет, у орудия подавать снаряды и ленты в коробках к пулеметам. На катере имеются два крупнокалиберных пулемета, два орудия (по тому времени это было грозное оружие) и 12 глубинных бомб, ну и шесть дымных шашек, так что дел хватало.

Прошло шесть дней, и наш катер снова получил задание идти за десантниками. Но так как штормило, мы не смогли выйти в море. Пришлось ждать двое суток, пока погода позволит нам выйти. Когда мы пришли в квадрат, нас никто не встретил. Командир катера дал команду боцману разведать на берегу... Вплыв мы добрались до берега. В тишине я услышал слабый стон. В темноте было очень трудно сразу разобраться, пришлось на ощупь искать. Вот стон уже ближе, но что это такое? Один, второй, третий – трупы наших матросов. А вот и стонущий. Я припал к нему, прикрыл лицо бушлатом, осветил, а это Леонид лежит без памяти и стонет, рядом... гранаты. Подошел боцман и стал водкой из фляги растирать Леонида, привел его в чувство. Тогда Леонид рассказал, что группа благополучно высадилась, дошла до цели и уничтожила всю батарею, но на обратном пути попала в засаду и понесла потери. «Пришлось половине оставшихся в живых пробиваться в горы, а мы с гранатами пробивались сюда, где и ждали вас, – сказал Леонид. – Нас было восемь человек. Я ранен, ноги стали болеть от холодной воды. От недомогания я терял сознание, а как приходил в себя, то помогал им, товарищам своим. Но чем я мог помочь голодным людям, которые мужественно отдавали свою молодую жизнь... А я, как видите, еще живой с морской душой».

По приказу командира мы перенесли тела погибших на катер. Леонид сам добрался до трапа, катер отошел в море, и там, в открытом море, мы по флотскому обычаю похоронили в пучине наших боевых товарищей. Леонид лежал в кубрике на моей койке, его бил озноб. Наш ме-

дик делал ему массаж и растирал спиртом. Пришли в Геленджик, а оттуда Леонид был отправлен в госпиталь. Скоро он сообщил о себе, и я приехал к нему.

Леонид встретил нас с боцманом посвежевший, бодрый. Мы принесли в подарок шоколад, ну и традиционные сто грамм наркомовских. Посидели в парке и, пожелав ему здоровья, уехали в Туапсе, где находился наш дивизион.

А через месяц и сам Леонид пожаловал на свой катер. Наша жизнь и служба проходили среди походов, бомбежек и рейдов.

Однажды Леонид пришел ко мне и сказал, что уходит добровольцем в спецкоманду. Он зашел попрощаться, так как завтра всю команду будут отправлять на сборный пункт, а куда предстоит отправляться, никому не известно. Мы посидели у меня на камбузе, зашел боцман Иван Грицаенко, выпили по маленькой за все хорошее. Леонид с группой добровольцев сели в машину и уехали. А спустя два месяца я получил от него письмо из госпиталя. Мы с боцманом Иваном, захватив кое-что с собой, поехали в госпиталь-санаторий для выздоравливающих, пока наш катер стоял на малом ремонте.

Леонида нашли быстро, вернее, он нас сам увидел и медленно шел к нам с поднятыми руками. Мы по-флотски обнимали друг друга, утирали слезы радости. Зашли в беседку, расположились за столом и, достав из мешка нехитрый свой запас, стали слушать Леонида. Вот его рассказ:

– Нас на машине привезли в Лазаревскую и там в спецшколе стали готовить по всем правилам ночью и днем. Особо тренировали ближнему бою на аэродроме. Ночью выбрасывали с самолета на аэродром, и мы штурмовали, учились уничтожать самолеты. Спустя месяц нас собрали и объяснили боевую задачу, поставленную перед нашей группой. Нам надлежит высадиться десантом в Майкопе на немецкий аэродром и уничтожить находившиеся там бомбардировщики. Операция шла как «совершенно секретная», нас – 52 человека – держали на особом режиме, кормили на убой. Наконец, построив, приказали переодеться в солдатскую форму, оставив лишь тельняшки и бескозырки. Мы получили новые, но уже обстрелянные добротные автоматы, к ним по 10 дисков, по 10 противотанковых гранат, по 20 лимонок. Каждому дали так-

же 30 плиток шоколада, флягу спирта, пять банок тушенки, две буханки белого хлеба.

Сообщили, что нас будут поддерживать партизаны. Когда мы высадимся на аэродром, они перережут дорогу немцам и не дадут им идти на помощь своим. У нас же будет возможность отойти к реке, а там и лес рядом. Партизаны будут ждать нас в лесу. Все было заранее отработано, но хорошо только на бумаге получается... А на деле в два часа ночи нас погрузили в самолет «Дуглас» в Адлеровском аэропорту, и через полтора часа мы уже находились над аэродромом Майкопа, пошла высадка.

Немцы заметили нас и открыли огонь. Мы спускались на поле. Я немного зашиб ногу при приземлении, но не обращал внимания на боль, не до нее было. Я увидел, как наш самолет, объятый пламенем, врезался в немецкую батарею. Мы пошли в этот ад, каждый знал свое место.

Я по заданию должен был прикрывать группу и занять подход к дороге. Прорываясь к ней сквозь огонь и дым в темноте, встретил нашего старшину. Он сказал, что все идет по плану и нам надо быстрее занять дорогу, так как слышен шум машин, идущих из города на помощь немцам. Мы, наконец, нашли выход с аэродрома и увидели небольшой мостик со шлагбаумом, у которого стоял десяток немцев. Они ожидали команды, по-видимому, не опасаясь нападения с тыла. Две брошенные мной и старшиной гранаты все решили.

Мы выскочили на мостик. Он был небольшой, но мог служить временной преградой. Мы забросали его гранатами, и тут показались немецкие танк и бронетранспортеры. На аэродроме в это время шло настоящее сражение: горели самолеты, рвались бензобаки, земля дрожала. Отпущенные на операцию сорок минут уже подошли к концу, и уцелевшие должны были собраться здесь, у этого моста. Но у моста мы вели неравный бой, немцы, поняв, что нас мало, пошли в наступление. Старшина и я бросили последние лимонок, спустились в речку и по течению поплыли к лесу, где нас должны были ждать партизаны.

Никто нас не встретил, и мы пошли сами наугад. Утро нас встретило в лесу далеко от Майкопа. Хорошо, что пошел дождик, сбивший со следа собак, чей лай мы уже слышали. А собаки у немцев кое-что стоят. Мы забрели в чащу и уст-

роили уют. Ни у старшины, ни у меня не оказалось вещмешков, пришлось, когда плыли, бросить все. Лишь оружие сохранили. Дрожь пробирала насквозь, да и ноги стали давать о себе знать.

Сколько мы пролежали, не помню, но холод и голод принудили к жизни. Я встал, разбудил старшину. Он, как старший, сказал: «Ну что ж, Леонид, будем считать, что задачу мы с тобой все же выполнили, а теперь и о себе надо подумать. Вот карта, от нашей линии фронта мы находимся в ста пяти километрах, и так как мы самостоятельно должны добраться, то нам надо позаботиться и о товарищах. По запасному варианту, тот, кто не может прийти к месту сбора, должен самостоятельно выйти в лес к лесопилке. Но это хорошо на карте, а в лесу, где сам черт в врагах голову сломит...» Я ему и говорю: «Петро, раз там лесопилка, то и дорога к ней должна быть».

Через два часа нашли дорогу и по ней в грязи и слякоти шли полдня, пока не вышли к лесопилке. Вот и заводик, кругом тишина. Сарай, штабеля досок. Подползли ближе и услышали, как в сарае говорят по-украински. Мы увидели часового, он стоял с немецким автоматом на груди. Шел сильный дождь, часовой нас не заметил. Старшина сказал: «Что-то мне это не нравится. Больно бравый вид у часового, да и наших ребят почему-то не слышно».

Мы подползли к сараю, прильнули к щели и глазам своим не поверили. Двое в красноармейской форме пытали нашего любимчика Жору. Привязав к стенке, они его били, а еще трое наших лежали связанные, видно, раненые, все в крови. Старшина подал знак, и я понял, стал его прикрывать. Но в это время открылась дверь, вышел человек и направился за сарай. Старшина молниеносно нанес ему удар прикладом по голове, он и екнуть не успел. Старшина сказал: «Действуем!», я за ним. Так как мы были одеты в ту же красноармейскую форму, он смело вышел из-за сарая. Часовой не ожидал ничего плохого. Старшина подошел вплотную и нанес ему удар в самое сердце. Уложив его, мы открыли дверь. В сарае человек двенадцать спали или просто лежали, а четверо пытали нашего боевого товарища. Старшина сказал: «Хватит!» и дал по ним очередь. Я добивал тех, кто пытался сопротивляться, и через три минуты со лжепартизанами было покончено. Это

были казаки, служившие немцам. Мы сняли со стены тело Жоры, но он так и не узнал о своем освобождении, умер, как подобает морякам. Мы оказали помощь остальным. Время уже работало не на нас, мы быстро собрали что было в сарае из продуктов, подкрепились и решили выяснить, что же произошло здесь с нашими товарищами.

Группа партизан, шедшая нам на помощь, попала в засаду и в неравном бою вся погибла. Среди них был провокатор, он и вывел предателей на место нашей встречи. Наши, усталые, раненые, пришли к ним за помощью, а попали прямо в логово врага. Но предателям дорого обошлась измена Родине.

О нашем месте уже было известно немцам, они могли нагрянуть в любую минуту. Мы решили уходить, но как быть с ранеными? Нести их нет ни сил, ни времени. Пока совещались, послышался шум машины.

На дороге показалась и сама машина – бронетранспортер. Шла смело, зная, что здесь их люди. Я вышел и занял место часового, а старшина с остальными залег с ручным пулеметом у штабеля бревен. Бронетранспортер заехал во двор, из него вышли восемь человек с офицером. Лишь они отошли от машины, как раздалась длинная очередь из пулемета, а я дал автоматную очередь. С врагами было покончено.

Я бросился к кабине и увидел водителя. Когда навел на него автомат, он поднял руки и сказал, что в машине лежат наши связанные товарищи.

Я увидел, как старшина тащит за шиворот раненого офицера. К машине сошлись все остальные, принесли и тело нашего Жоры. А в машине лежали на полу связанными шестеро наших. Они попали в западню и были схвачены предателями.

«У нас раненые и больные, – сказал старшина. – До передовой нам не дойти, принимаю решение». Он подошел к шоферу: «У тебя есть возможность искупить свою вину перед Родиной, послужишь нам на этом транспортере». А офицеру сказал: «Ваше благородие, вам капут».

Офицер оказался не немцем, а испанцем. Но для нас хрен редьки не слаще. Офицер сказал, что если ему гарантируют жизнь, то он нас вывезет, поскольку ему одному известен пароль. Старшина распорядился нашего товарища Жору положить на машину сверху и привязать. Все разместились в машине.

Водитель забеспокоился, мол, надо поскорее убираться, так как скоро сюда подойдут машины с пленными и основная группа казаков заступит на дежурство, чтобы ждать наших. Старшина велел взять мне ведро бензина, полить доски и поджечь, чтоб наши догадались о засаде. Так я и сделал, а когда вернулся, увидел, что старшина завел офицера за штабель и там его прикончил.

Мы сели в машину, старшина надел китель и фуражку офицера, я перевязал ему лицо, вымазав бинт кровью, будто он раненый. Отъехали километров двадцать, и шофер говорит: «Нам надо где-то переждать до ночи». Мы свернули с дороги, замаскировали машину и следы. И тут услышали шум танка и машин. Легкий немецкий танк и два бронетранспортера направлялись в сторону лесопилки. «Да, Леонид, а шофер-то нас не обманул, – сказал старшина и похлопал шофера по плечу. – Ничего, братишка, я из тебя дурь-то выблюю, будешь морской душой». Шофер ответил: «В машине есть мины, их можно заложить в колеи на дороге».

Это дело было нам хорошо знакомо, мы с шофером и старшиной вышли на дорогу и как можно тщательнее заложили мину. Через сто метров – вторую, ну и через двести еще одну. Так был обеспечен наш тыл, пора двигаться. Машина вышла на дорогу, и, набирая скорость, мы двинулись к фронту. До фронта предстояло преодолеть километров сто по тылу немецких войск.

Километров через сорок водитель остановил машину и посоветовал снять с нее тело Жоры, чтоб не привлекать внимания. Мы похоронили нашего Жору под дубом. Дождались вечера, выехали на основную дорогу, пристроились к идущей колонне и двигались часа два. У места, где на дороге стоял контрольный пост, мы вклинились в колонну и с ней медленно въехали в Апшеронку. Водитель сказал, что здесь расположен их батальон. Мы можем чувствовать себя спокойно, а он поведет машину к заправке, где его хорошо знают. У заправки он вышел, а я по приказу старшины не сводил с него глаз. Водитель подошел к часовому, поздоровался и стал заправляться, а я стоял у машины, разминая ноющие ноги.

Тут к заправке подъехал «опель», из него вышел офицер и направился к нашему бронетранспортеру. Шофер бросился к нему, а я стоял сзади и был готов дать по ним очередь. Но шо-

фер доложил, что в машине есть раненый офицер и пленные, и открыл люк. Офицер заглянул в машину и сам очутился в ней. Его схватил старшина и втащил, как щенка. Он ничего не мог понять, сидел, как филин, вытаращив блеклы, и лишь моргал. Заправившись, в темноте мы подложили мину под стоявший рядом танк и успели отъехать километра два, когда грохнул взрыв и пламя охватило небо.

Ну и переполох начался, шум, гам! А мы спокойно выбрались и добрались по дороге до передового края. Но вот вопрос: как пересечь саму линию обороны? В горах все под бдительным контролем. Не доезжая до передовой километров пять-шесть, мы съехали с дороги и стали наблюдать. Наступало утро, старшина решил, что лучше идти пешком, поскольку фронтовую разведку немцев не проведешь, да и машину уже, наверное, ищут. В это время на дороге показался обоз, человек пятьдесят пленных под охраной медленно шли в сторону передовой. Шофер сказал, что их ведут на строительство площадок для батарей. Он может остановить конвой и сказать, чтобы они взяли пленных у нас. А когда они подойдут к машине, их можно ликвидировать. Когда унтер с двумя солдатами подошел к нашему транспортеру, мы их тихо ликвидировали, переоделись в немецкую форму, а машину пустили под обрыв и с колонной пошли дальше. Колонну обгоняли машины, никто не обращал на нас особого внимания. Мы шли, готовые на все, и до нас долетала приветственная канонада передовой...

Мы также обратились к историку Сергею Феоктистову с просьбой рассказать о событиях, о которых идет речь в письме. Публикуем его очерк «Десант на Майкопском аэродроме».

Сергей ФЕОКТИСТОВ
г. Туапсе

Десант на Майкопском аэродроме

В октябре 1942 года обстановка под Туапсе была крайне тяжелой для советских войск. Противник ежедневно предпринимал атаки то на одном, то на другом участке с целью прорыва нашей обороны. Немецкая авиация господствовала в воздухе. Особенное беспокойство доставляли базирующиеся на Майкопском аэродроме истребители Me-109 2-й группы 52-й истребительной эскадры (с учетом приданной группе хорватской истребительной авиаэскадрильи – до 50 машин).

Своими действиями они связывали действия немногочисленной советской истребительной авиации и обеспечивали тем самым удары своих бомбардировщиков по боевым порядкам наших войск, а также обнаруженным на прибрежных дорогах автомашинам, колоннам на марше, железнодорожным составам, кораблям, городу и порту Туапсе.

Противостоять врагу в воздухе в то время советская авиация не могла, слишком велико было количественное и качественное превосходство немецкой истребительной авиации. В 5-й воздушной армии, сражавшейся на Туапсинском направлении, на 30 сентября 1942 года имелся всего 71 исправный боевой самолет, в том числе два истребителя

ЛаГГ-3 и три Як-1 (устаревшие истребители И-16 и И-153 не в счет).

Для оказания помощи войскам командование Закавказского фронта решило более активно использовать на Туапсинском направлении авиацию Черноморского флота. Еще 28 сентября командующий ВВС фронта генерал-майор авиации К. А. Вершинин обратился к командующему ВВС Черноморского флота генерал-майору авиации В. В. Ермаченкову с просьбой оказать помощь морской авиацией войскам 18-й армии, сражавшимся в районе Туапсе. До этого флотская авиация оказывала лишь эпизодическую помощь сражавшимся здесь войскам, сосредоточив основные усилия на прикрытии Туапсинской военно-морской базы и морской коммуникации вдоль Кавказского побережья, обеспечивая снабжение войск Черноморской группы Закавказского фронта. Истребительная авиация флота была, в основном, задействована на прикрытии морских коммуникаций и портов.

По-видимому, именно в эти дни в штабе ВВС ЧФ при решении вопроса об оказании непосредственной помощи наземным войскам родилась оригинальная по замыслу идея проведения парашютно-

десантной операции по уничтожению самолетов противника на центральном аэродроме города Майкопа. Операцию было решено провести силами бомбардировочной авиации совместно с парашютным десантом. В случае успеха действия вражеской истребительной авиации под Туапсе оказались бы парализованы на несколько дней.

План удара был разработан штабом ВВС ЧФ 10 октября и представлен командующим ВВС на рассмотрение Военному совету Черноморского флота, который 13 октября его утвердил.

В общих чертах план операции сводился к следующему. Парашютно-десантный отряд, выброшенный прямо на аэродром, уничтожал вражеские самолеты на земле. Авиация флота должна была предварить высадку десанта подавлением наземных средств и противовоздушной обороны аэродрома, особенно прожекторов, и воспрепятствовать выдвижению резервов немецких войск из города к аэродрому. После выполнения задачи десантники должны были отойти в лес на соединение с партизанами, пользуясь горно-лесистой местностью, пересечь линию фронта в районе Даховская, Хамышки и возвратиться в часть. Общее руководство операцией с командного пункта Бабушеры (вблизи г. Сухуми) осуществлял командующий ВВС ЧФ генерал-майор авиации В.В. Ермаченков.

Обеспечение выброски десанта, а также прикрытие действий парашютистов на вражеском аэродроме и при их последующем отходе предполагало использование авиационного отряда (21 самолет), разделенного на четыре группы: транспортную (ПС-84, ТБ-3), бомбардировочную (9 ДБ-3, 2 СБ), истребительную для уничтожения прожекторов (2 И-15бис), разведывательную (2 Пе-3, 2 Як-1, ДБ-3, ЛаГГ-3) для уточнения состояния погоды и контроля за результатами выполнения боевой задачи.

Парашютно-десантный отряд в количестве 38 человек выделялся из состава созданной в мае 1942 г. парашютно-десантной роты ВВС ЧФ и был разбит на три группы: диверсионную – 20 человек, прикрытия – 15 человек и управления – 3 человека. Каждая группа в свою очередь состояла из ударных пятёрок. Командовал отрядом участник боев за Севастополь старшина П.М. Соловьев, а его заместителем был младший сержант Г. Ф. Чмыга. Отряду моряков придавались проводники Г. И. Суханов и В. А. Терещенко из майкопского партизанского отряда «Народные мстители».

В первых числах октября десантники размес-

тились в большом зале школы вблизи аэродрома Бабушеры (ныне Сухумский аэропорт). Непосредственно подготовкой десантников занимались командир парашютно-десантной роты капитан Михаил Абрамович Орлов и начальник парашютно-десантной службы 63-й авиабригады капитан Александр Петрович Десятников, которые должны были сопровождать их на самолетах к месту высадки, обеспечить ее, после чего возвратиться на свой аэродром. И Орлов, и Десятников были опытными профессионалами, мастерами парашютного спорта. Тот же Михаил Орлов сделал 114 дневных и ночных прыжков с различных высот, с самолетов всех типов. В течение двух недель отряд тщательно готовился к выполнению задания, отрабатывая технику прыжков с самолета с полной боевой нагрузкой и тактику боя на открытой и пересеченной местности днем и ночью. Все десантники, в том числе и партизаны-проводники, совершили по пять-семь дневных и по два ночных прыжка с парашютом каждый. Одной из особенностей подготовительной работы являлось то, что в целях достижения внезапности план проведения операции держался в строжайшем секрете. Он был доведен лишь до ограниченного круга лиц, и десантники, тренируясь, не знали, когда, на какой аэродром и каким образом будет осуществлена их выброска. С графиком базирования и схемой размещения вражеских самолетов на неизвестном им пока аэродроме они знакомились по наглядным пособиям, изготовленным на основе данных аэрофотосъемки, которые ежедневно доставляла воздушная разведка.

Оба капитана проявили много инициативы и смекалки в специальном снаряжении десантников. Бойцам выдали комбинезоны и шлемы, ранцы, компасы, карманные фонарики, по два индивидуальных пакета с йодом, по пять пачек папирос и по два коробка спичек, а также 10-метровую веревку с кошкой на конце для разрушения связи и как средство для переправы через препятствия в горно-лесистой местности. Из продовольствия: 12 стограммовых плиток шоколада, пачка галет (400 г), фляга со спиртом. Каждый десантник был вооружен пистолет-пулеметом с двумя дисками на 71 патрон (и еще по 300 патронов россыпью), пистолетом, кинжалом, 5-6 ручными гранатами. Помимо индивидуальных средств боя, предусмотренных для всех десантников, каждый боец диверсионной группы дополнительно получил специальный топорик, три термитные бомбы по килограмму каждая и две бутылки с горючей смесью, а группа прикрытия бы-

ла вооружена тремя ручными пулеметами. Кроме того, на каждую группу выдавалось по несколько противотанковых гранат.

Что касается подготовки воздушной части операции, то здесь особое внимание уделялось навигационному обеспечению. За два дня до вылета на всех задействованных в операции самолетах было выверено пилотажно-навигационное оборудование, включая и транспортные самолеты. Весь летный состав предварительно, не зная точного места действий, изучал общий район со всеми характерными ориентирами. Перед самим вылетом экипажи получили репродукцию района цели с карт крупного масштаба и фотоснимки цели. На всех самолетах время на часах было синхронизировано с точностью до секунды. Выход на цель производился по самым характерным ориентирам. Штурманы в головных экипажах были подобраны из самых опытных. Они имели задачу точно выйти на цель и путем ее бомбардирования создать световой ориентир для облегчения выхода последующих самолетов на цель. Видимо, этим объясняется и то, что в состав первой группы бомбардировщиков, выделенной от 36-го минно-торпедного авиаполка, вошел экипаж командира эскадрильи 5-го гвардейского минно-торпедного авиаполка майора Д. М. Минчугова, по праву считавшийся одним из лучших на Черном море.

Уничтожение материальной части на аэродроме Майкопа планировалось провести в ночь с 18 на 19 октября, но из-за плохих метеорологических условий оно было отложено на ночь с 23 на 24 октября 1942 года.

23 октября экипаж самолета Пе-3 27-й отдельной разведывательной авиаэскадрильи с высоты 7200 м произвел аэрофотосъемку аэродрома Майкопа. После дешифрирования было установлено наличие на аэродроме 28 истребителей Ме-109, 4 самолетов-разведчиков Ю-88, 4 транспортных самолетов Ю-52 и 4 самолетов связи, расположенных преимущественно в северной и северо-западной частях аэродрома.

Кроме того, один самолет ДБ-3 с начальником метеослужбы 63-й авиабригады ВВС Черноморского флота на борту в период с 18 ч. 30 мин. до 20 ч. 34 мин. произвел воздушную разведку погоды по маршруту и в районе цели. Фактическое состояние погоды было следующее: по маршруту Бабушеры – Майкоп ясно, перевалы открыты, видимость 6-7 км, небольшая дымка. По прогнозу, ветер у земли в районе Майкопа слабый восточной четверти. Ночь лунная (полнолуние).

В день проведения операции на аэродром Бабушеры прибыли командующий ВВС ЧФ гене-

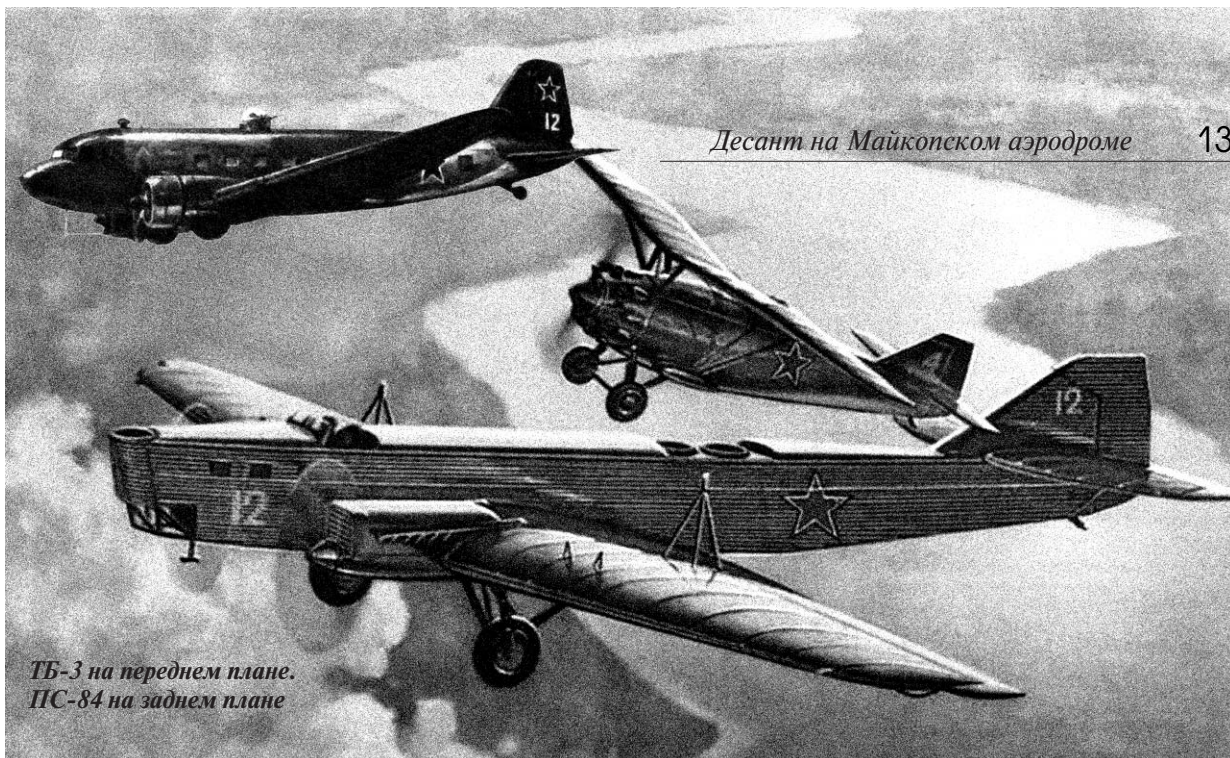
рал-майор авиации Василий Васильевич Ермаченков, член Военного совета ЧФ контр-адмирал Николай Михайлович Кулаков, командир 63-й авиабригады подполковник Николай Александрович Токарев. Здесь же собрались все участвующие в выполнении этого задания экипажи. Летчики и штурманы получили карты крупного масштаба и фотоснимки целей, со всеми был проведен подробный инструктаж. Чертежники оперативного управления штаба флота подготовили подробный план Майкопа и аэродрома на его северной окраине. Весь аэродром чертежники разбили на сектора, в которых должны были действовать пятерки десантников.

За два часа до вылета командующий проконтролировал каждого десантника. Затем личный состав парашютно-десантного отряда принял клятву (судя по стилистике, написанную политработниками), в которой говорилось:

«Идя на выполнение особо важного задания, мы, моряки-черноморцы, клянемся тебе, Родина, тебе, наш родной и любимый Сталин, что с честью его выполним. Клянемся, что будем драться до последнего воина, а последний воин – до последней капли крови. Каждый из нас горит благородным желанием мести. Мы будем мстить за отцов, матерей, братьев, сестер, за сиротские слезы, за поруганных жен и любимых девушек, за все злодеяния, учиненные гитлеровскими палачами. Никто из нас не дрогнет, как бы нам ни пришлось тяжело. Мы погибнем, но задание выполним. Наше знамя – Сталин, и с ним мы пойдем в бой. С этим знаменем мы победим!»

Отряд краснофлотцев, разделившись на две группы, начал посадку в самолеты. На самолете ТБ-3 транспортировались диверсионная группа из 20 человек и два партизана-проводника. На самолете ПС-84 транспортировались группа прикрытия из 15 человек и группа управления из трех человек (командир, военком и заместитель командира отряда).

Согласно плану и расчету времени первыми в 21 ч. 27 мин. с аэродрома Бабушеры взлетели четыре ДБ-3Ф, пилотируемые майором Минчуговым, майором Стародубом, капитаном Беликовым и инспектором по технике пилотирования майором Селявко (за исключением экипажа Минчугова все остальные были из состава 36-го минно-торпедного авиаполка). В сборный экипаж майора Селявко входили флагштурман 36-го авиаполка капитан Тимонин, начальник штаба 63-й авиабригады подполковник Кудин с дополнительной задачей после бомбардирования находиться в районе аэрод-

*ТБ-3 на переднем плане.
ПС-84 на заднем плане*

рома и с высоты 3600 м наблюдать за ходом событий до конца удара.

Следом за ними в 21 ч. 35 мин. на двух самолетах вылетел на задание отряд десантников. Первым шел ПС-84, ведомый капитаном П. И. Малиновским (штурман – майор Николай Нестеров), на котором вместе с капитаном Орловым, руководившим выброской десанта, находились группа управления и группа прикрытия в количестве 18 человек. Диверсионная группа и партизаны-проводники летели на втором самолете ТБ-3, который пилотировал старший лейтенант С. П. Гаврилов (штурман – старший лейтенант Сергей Косолапов).

С того же аэродрома в 22 ч. 16 мин. вылетели 5 самолетов ДБ-3 5-го гв. мтап и в 22 ч. 20 мин. 2 самолета СБ 40-го бап ВВС ЧФ. Два самолета И-15бис 62-го иап ВВС ЧФ вылетели с аэродрома Лазаревское в 22 ч. 50 мин.

В 22 ч. 45 мин. в точном соответствии с планом операции к Майкопскому аэродрому подошла первая группа бомбардировщиков 63-й авиабригады. Встреченные огнем 10-12 автоматических зенитных пушек, 5-6 зенитных пулеметов при освещении 6-8 зенитных прожекторов четыре ДБ-3Ф в течение 41 минуты, действуя поодиночке, выполнили в общей сложности 20 заходов, сбросив с высоты 2100-3000 метров 40 бомб ФАБ-100 на северную, северо-западную и юго-западную части аэродрома и частично по центру. При этом на аэродроме по докладом экипажей были подожжены два немецких самолета, подавлен один прожектор и вызвано несколько пожаров. Перед самым приходом десанта экипаж бомбардировщика, пилотируемо-

го гвардии майором Минчуговым, удачно поджег на аэродроме склад с горючим и создал дополнительный ориентир для десантников.

В 23 ч. 25 мин. за пять минут до выброски десанта два СБ, пилотируемые капитаном Прусовым и лейтенантом Гахом, сбросили с малых высот на железнодорожный вокзал, что в полутора километрах южнее аэродрома, и мебельную фабрику 328 мелких зажигательных бомб, образовав там очаги пожара, которые осветили всю округу и послужили световыми ориентирами для выхода на аэродром самолетов с десантом. Бомбометание было точным, в результате чего создалось два больших очага пожара. Одним из очагов был вагон с патронами. Сбрасывание зажигательных бомб в стороне от аэродрома, по докладу экипажа транспортного самолета ПС-84, полностью оправдалось. Созданный зажигательными бомбами световой ориентир во многом способствовал точному выходу транспортных самолетов с парашютно-десантным отрядом на аэродром противника.

После удара первой группы бомбардировщиков в 23 ч. 23 мин. подошли два истребителя-биплана И-15бис, пилотируемые капитаном Алексеем Фурлетовым и младшим лейтенантом Федором Бородавко. В течение 47 минут они с высоты 400 м штурмовали световую оборону немецкого аэродрома. Было произведено 18 атак по прожекторам и зенитным точкам с применением бомб АО-25 и огня пулеметов ПВ-1, в результате которых из восьми светивших прожекторов три были уничтожены и два прекратили свечение.

Самолеты с парашютно-десантным отрядом к 23 ч. 20 мин. прилетели в район станции Ярославская, откуда с высоты 1600-2000 м по расчету времени перешли на планирование в направлении аэродрома Майкопа. Созданный самолетами СБ световой ориентир был успешно использован самолетом ПС-84, который в 23 ч. 29 мин. вышел на восточную кромку аэродрома и начал выброску парашютистов. В течение одной минуты самолет покинули 15 парашютистов из 18 (три десантника в последний момент отказались прыгать). Самолет ПС-84 за километр до подхода к аэродрому был пойман лучами трех прожекторов. Зенитная артиллерия и пулеметы, прикрывавшие аэродром, вели по самолету сильный огонь. После сбрасывания парашютистов освещение самолета было прекращено, прожекторы стали освещать спускающихся парашютистов, по которым зенитные автоматы и пулеметы вели сильный огонь.

Самолет ТБ-3 вышел несколько севернее центра аэродрома с опозданием на 1,5-2 минуты и на высоте 600 метров сразу же был схвачен лучами четырех прожекторов и обстрелян сильным огнем зенитной артиллерии. Два снаряда буквально один за другим угодили в хвостовую часть огромной машины (длина самолета – 25,1 м, размах крыла – 41,8 м). И все же высадка началась. При прохождении самолета через центр аэродрома третий снаряд попал в левый бензобак, самолет загорелся в воздухе и горящий продолжал полет. По свидетельству очевидцев, от снижающегося самолета до самой земли текла огненная река: выливался бензин из пробитых бензобаков и горел на лету. Во время взрыва баков многих обдало бензином. Падая с парашютом к земле, десантникам приходилось сбивать с себя пламя. Из группы десантников, покинувших ТБ-3 в воздухе, у двоих загорелись парашюты, и они погибли (личность одного из них установлена – младший сержант М. Н. Мальцев), другие получили сильные ожоги. И все же 14 десантникам, а также сопровождающему их капитану Десятникову и пилоту старшему лейтенанту Гаврилову, удалось покинуть горящий самолет. ТБ-3 с работающими моторами, объятый пламенем, врезался в землю за северной границей аэродрома и взорвался. При падении погибли не успевшие выпрыгнуть проводники-партизаны, часть десантников и остальные члены экипажа.

В период сбрасывания парашютистов с транспортных самолетов и их действий на земле пять самолетов ДБ-3Ф в течение 40 минут (с 23 ч. 30 мин. до 00 ч. 40 мин.) непрерывно бомбардировали с высоты 2800-3400 метров доро-

гу, идущую из города на аэродром, район вокзала и огневые зенитные точки на южной окраине аэродрома. За это время бомбардировщики произвели 21 заход, сбросив на цели 50 бомб ФАБ-100 и вызвав три очага пожара в северной части города и в районе вокзала.

Приземлившись, десантники диверсионной группы стали забрасывать немецкие самолеты гранатами и бутылками с горючей смесью, закладывали термитные бомбы через пробитые топориками отверстия в фюзеляже или крыльях. Через пять-семь минут после спуска парашютистов на Майкопском аэродроме вспыхнуло семь пожаров. Наиболее успешно действовала группа из семи человек, руководимая старшиной Павлом Соловьевым, которая уничтожила две пулеметные точки, около десятка вражеских солдат и подожгла два Ме-109. Десантники группы прикрытия, возглавляемые младшим сержантом Георгием Чмыгой, огнем пулеметов и автоматов умело отсекали от самолетов солдат охраны. Через 40 минут после приземления 24 октября в 00 ч. 10 мин. по сигналу «две зеленые ракеты», поданному командиром отряда, начался отход парашютистов. В момент отхода они наблюдали на аэродроме 11 очагов пожара. Последней покидала объект группа прикрытия. Однако аэродром уже успели оцепить немецкие мотоциклисты с собаками и прибывшие на автомашинах солдаты. Десантники вынуждены были прорываться группами и поодиночке, оставшись к тому же без партизан-проводников. Продвигались лесом и в основном ночью, ориентируясь по компасу, в направлении Даховская, Хамышки. Попутно разрушали проводную связь (всего повредили десять линий проводной связи и кабель). Несколько раз парашютистам приходилось вступать в перестрелки с вражескими разездами и патрулями. В результате этих стычек были уничтожены 4 вражеские пулеметные точки, 23 солдата противника и 12 казаков-предателей (скорее всего из состава 7-й добровольческой казачьей кавалерийской дивизии, задействованной в антипартизанских операциях в районе Майкопа).

Большую помощь десантникам оказывали местные жители, которые снабжали их продуктами и указывали наиболее безопасное направление. История донесла до нас некоторые имена. Это были А. Я. Пищик и дети из станицы Севастопольская, пасшие коров, – Саша Остроухов, Вася Белокобыльский, Вера Родомская и Люба Литовкина. От них парашютисты узнали, что в районе станицы Севастопольская их разыскивал конный разезд из 30 всадников.

На девятые сутки скитаний по горам и лесам в район Махошевской поляны, где находилась главная база партизан Майкопского куста, прибыла первая группа парашютистов в количестве 12 человек во главе со старшиной Соловьевым. Через 22 дня в район горного селения Хамышки, где держал оборону 23-й пограничный полк НКВД, вышли еще 9 парашютистов, которых привел капитан Десятников (с ними был и пилот Гаврилов), а через 10 дней пришли еще двое. В середине ноября все вышедшие были вывезены на самолетах типа У-2 с посадочной площадки вблизи Хамышки в Сочи, а оттуда переправлены в Бабушеры. Командование Черноморским флотом высоко оценило боевые действия десантников. 22 участника высадки были награждены орденом Красного Знамени, двое – орденом Отечественной войны I степени.

Советские потери при проведении парашютно-десантной операции по аэродрому Майкопа составили один самолет ТБ-3 и 22 человека, в том числе 13 десантников, семь членов экипажа ТБ-3 и два партизана-проводника.

Что касается немецких потерь, то здесь не все так однозначно. Утром 24 октября самолет Пе-3, который пилотировал командир звена 27-й авиаэскадрильи В. А. Скугарь (штурман В. Г. Василевский), в сопровождении трех истребителей 62-го истребительного авиаполка сделал аэрофотосъемку результатов удара, нанесенного ночью по аэродрому Майкопа. После дешифрирования фотоснимков было установлено, что в результате действий парашютистов и проведенного удара авиации на аэро-

дроме было уничтожено 13 и повреждено 10 самолетов противника, кроме того, подожжен склад боеприпасов.

Реальные результаты, правда, оказались гораздо скромнее. По немецким данным, в ночь с 23 на 24 октября на Майкопском аэродроме было уничтожено и серьезно повреждено три самолета, из них:

истребитель Vf-109G-2 (№ 13846) из 4./JG 52 – степень повреждений 100%;

транспортный самолет Ju-52 (№ 5641) из I./KGrzbV172 – 100%;

транспортный самолет Ju-52 (№ 3009) из Sanflugbereitschaft 17 – 30%.

С ходу обвинять немецкое командование в фальсификации результатов операции непродуктивно. Очевидно, здесь необходим серьезный анализ военных специалистов. Бесспорно одно. Несмотря на то что поставленная задача по уничтожению боевых самолетов на аэродроме Майкопа не была решена в полном объеме, действия майкопского десанта явились оригинальными по замыслу и смелыми до дерзости при выполнении, парашютисты проявили исключительное мужество, выдержку и выносливость, честно выполнив свой воинский долг до конца.

Вечная память павшим в боях за Родину!

Сергей Игоревич ФЕОКТИСТОВ

родился в Туапсе в 1958 году.

Кандидат исторических наук.

Автор книг «В небе Туапсе»,

«Туапсе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В «Севере» публикуется впервые.

